

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЧАСТЬ

На правах рукописи

УДК 902.7

ВИНОКУРОВА Ирина Дрьевна

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ ВЕПСОВ
(конец XIX — начало XX в.).

Специальность — 07.00.07 — этнография

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

ЛЕНИНГРАД 1988

Работа выполнена в секторе этносоциологии и этнографии Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

Научный руководитель: кандидат исторических наук

Т.А.Бернштам

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,

профессор А.С.Герд,

кандидат исторических наук

Ю.Ю.Сурхаско

Ведущая организация: Государственный музей этнографии
народов СССР.

Защита состоится "11... октября 1988 года
в "12." часов на заседании Специализированного совета
К.002.76.02 в Ленинградской части ордена Дружбы Народов Института этнографии имени Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР (г. Ленинград, 199164, Университетская наб., 3).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ленинградской части ордена Дружбы Народов Института этнографии имени Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР (г. Ленинград , 199164, Университетская наб., 3).

Автореферат разослан "9... сентября 1988 года.

Ученый секретарь

Специализированного совета

кандидат исторических наук

А.М.Решетов

І. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность темы. Настоящая работа посвящена одной из актуальных проблем народной культуры – выявлению, этнографической характеристике и анализу календарной обрядности вепсов, до сих пор не ставшей предметом специального изучения. В этом сложном культурном явлении нашли отражение социально-экономические, бытовые и духовные стороны жизни этого малоисследованного этноса на разных этапах его исторического развития. Важным представляется нам изучение вепской календарной обрядности и с точки зрения этнической истории народа и его локальных групп, а также этнокультурных контактов между вепсами и соседними народами. Исследование, таким образом, затрагивает не только собственно вепские проблемы, но и отдельные этнокультурные проблемы Северо-Запада СССР.

Цель и задачи исследования. Неизученность темы, а также этнокультурной истории вепсов в целом определили цель и задачи настоящей работы. Ставя перед собой цель – воссоздание картины вепского народного календаря конца XIX–начала XX в. в трудовом аспекте, – мы видим свои задачи в следующем:

- выявить общую структуру и сезонные деления вепского календаря;
- выяснить, из каких этнических компонентов складывалась вепская календарная обрядность;
- определить общевепские черты и локальные особенности календаря вепсов.

Методологическая основа. Методологической основой диссертации послужили произведения классиков марксизма-ленинизма по истории развития общества и роли традиций в них, идеи

о сущности религии, об историческом подходе к объекту познания. Широко применялись теоретические разработки советских этнографов по проблемам обрядности этносов.

Методы исследования. Для восстановления картины вепсского народного календаря использовались методы эмпирического и теоретического исследования: непосредственного наблюдения; опроса по специально составленному вопроснику по вепсской календарной обрядности и терминологии, в который вошли также некоторые вопросы из программ Т.А. Бернштам, Л.Н. Виноградовой, О.А. Терновской, Н.И. и С.М. Толстых; картографирования; этнолингвистического анализа. Для выявления особенностей вепсского календаря потребовалось сравнение его с соответствующими системами финских и русского народов. В диссертации сравнительным анализом (лингвистика, этнография, история) исследовалась как структура обряда, так и его составные компоненты, в которых могла проявиться этническая специфика: терминология, половозрастные признаки, предметные, акциональные и вербальные компоненты, функции.

Источники исследования: В диссертации использованы различные источники — опубликованные очерки дореволюционных путешественников и краеведов, исследования советских финно-угроведов и славистов, ученых Финляндии (по истории, археологии, языкознанию, этнографии, фольклористике); материалы, хранящиеся в архивах Ленинграда — Всесоюзного Географического общества СССР, Государственного музея этнографии народов СССР, Ленинградской части Института этнографии, Музея истории религии и атеизма, и Петрозаводска — Карельского филиала АН СССР.

Значительную часть всех сведений составили экспедиционные материалы, собранные автором в 1981-1986 гг. от вепских информаторов (от 60 лет и старше), проживающих в сельских поселениях и в г. Петрозаводске.

Научная новизна и практическая значимость. В диссертации впервые делается попытка реконструкции вепского календаря в комплексе народных представлений, поверий, обычаев, обрядов, праздников. Собранные автором и введенные в научный оборот новые материалы и терминология по календарю вепских этнолокальных групп могут служить важным источником не только для решения региональных проблем, но и общих теоретических вопросов изучения обрядов и праздников, в частности, проблемы обрядовой вариативности, которая может быть как результатом эволюции традиции и приспособления к изменяющимся условиям, так и ее разрушения. Анализ календарных обычаев, обрядов и праздников вепсов имеет не только научное, но и практическое значение. В последнее время в республиках и областях страны работают комитеты и комиссии по созданию и внедрению новых обрядов и праздников, проводятся научные конференции. В июне 1987 г. в п. Винницы Ленинградской области впервые был проведен вепский фольклорный праздник и местные жители высказали пожелание возродить праздники деревень, проводившиеся на этой земле исстари. Создание вепских праздников невозможно без учета и критического переосмысления вепских традиций общего и локального характера. Как отмечал Ю.В. Бромлей, "складывающиеся тысячелетиями народные обычаи заключают в своих формах, а иногда и в содержании, много такого что может быть с успехом унаследовано нами и использовано при создании нового. Более

того, без учета культурных традиций, приживляемость новых обрядов крайне затруднена".¹ Материалы и выводы исследования могут применяться при чтении лекций и проведении музейных экскурсий по духовной культуре финских народов.

Аппробация. Ряд положений диссертации был изложен в докладах на конференциях молодых ученых в г. Петрозаводске (1985, 1986 гг.), на Всесоюзной сессии по полевым этнографическим и антропологическим исследованиям в г. Йошкар-Оле (1986 г.), на методологическом семинаре сотрудников сектора этносоциологии и этнографии Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (1985 г.). Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании сектора этнографии восточнославянских народов Ленинградской части Института этнографии АН СССР.

Структура работы: Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения, в которое входят таблицы, картосхемы и фотографии.

П. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во "Введении" обосновывается актуальность темы, ее научная и практическая значимость, определяются цели и задачи диссертации, методология и методы исследования, степень изученности вопроса.

Вепси — одна из народностей Советского Союза, в настоящее время проживающая на территории так называемого Межозерья (между Онежским, Ладожским и Белым озерами) несколькими обособлен-

¹ Бромлей М.В. Новая обрядность — важный компонент советского образа жизни. — В кн.: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981, с. 11.

ными группами чересполосно с русским населением. По данным Всесоюзной переписи 1979 г. численность вепсов составляла 8,1 тыс. человек. Вепсский язык относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорских языков и делится лингвистами на три диалекта: северный, средний и южный. Представители северного диалекта проживают по западному побережью Онежского озера (КАССР). На среднем диалекте говорят несколько локальных вепсских подгрупп — шимозерская, куйско-пондальская, оятская, шугозерская (Вологодская и Ленинградская обл.). В Бокситогорском р-не Ленинградской обл. локализована южная группа вепсов.

Вопрос о вепсском этногенезе и их "прародине" еще не решен окончательно, поскольку проблематична вепская "принадлежность" археологических памятников ранее X в. Прародина вепсов локализуется пока на основании лингвистической гипотезы (Д.В. Бубрих, Н.И. Богданов, В.В. Пименов) — в юго-восточной Прибалтике между Рижским и Финским заливами. Предполагается, что из прибалтийско-финских племен, населявших в I тыс. до н.э. эту территорию, отделилась весь и стала передвигаться в северо-восточном направлении; во второй половине I тыс. н.э. определилась основная территория ее обитания — Мезозерье. На новом месте весь частично ассимилировала аборигенное саамское население, а частично оттеснила его к северу. В периферийных районах своего расселения — на Олонецком перешейке и в Заволочье — весь приняла участие в этногенезе карел и коми-зырян. На рубеже I-II тыс. н.э. началось интенсивное освоение славянами Европейского Севера, расселявшимися, в том числе, и на землях древней вепсов или по соседству с ними. Последующие волны русской

колонизации и формирование севернорусского населения привели к закреплению "чересполосного" этнического расселения вепсов, т.е. к разделению их древней этнической территории — и тем самым этнического ядра — на отдельные территориальные группы. Групповая изоляция, влияние различных природно-экологических, социально-экономических и этнических факторов явились основными причинами как формирования трех диалектов у вепсов, так и особенностей их культуры, в том числе — календарной обрядности.

В заключительном разделе "Введения" автор останавливается на понятийном аппарате для определения таких ключевых терминов исследования календаря как "обычай", "обряд", "календарная обрядность", "праздник". В этом вопросе автор разделяет мнение Т.А. Бернштам о целесообразности использования терминов "обычай", "обряд", "праздник" в их народном значении, ибо эти понятия имелись в вепском языке и за ними стояло конкретное содержание (в отличие от таких терминов как "традиция", "символ", "ритуал").

В главе первой "Структура вепского народного календаря" автор на основе данных календарной лексики вепсов и прибалтийско-финских народов пытается воссоздать архаический стержень вепского календаря, связанный с категорией времени и его исчислением (день-год-век), с годовой системой будней-праздников (с обрядами); прослеживается изменение структуры и наполнения календаря под воздействием различных факторов историко-культурного характера.

День, по народным представлениям, связывался с видимым положением солнца на небе, длившимся от восхода до заката: в

прибалтийско-финских языках старые названия солнца и дня совпадают. Временная оппозиция день-ночь у вепсов в прошлом связывалась с противопоставлением безопасный-опасный: с закатом солнца начиналось опасное время деятельности вредоносных сил; в это время придерживались запретов на различные действия. Такое же противопоставление характерно и для дней недели, которые делились на шесть безопасных (будних) дней — *arg* и один опасный (праздничный) — *riñä*, прежде всего — для хозяйственных занятий. Будням и праздникам соответствовали свои обрядовые формы. В главе приводятся факты, свидетельствующие о существовании у вепсов в древности лунного календаря; фазы луны также делились на безопасные и опасные для начала различных видов трудовой деятельности.

Особое внимание уделено влиянию такого фактора на формирование вепского календаря как длительное сосуществование с русским населением: христианизация обусловила единую структуру календаря и формирование в нем сходных культурных явлений и путей трансформации архаических черт как у вепского, так и у русского этносов.

Анализ трудового аспекта вепского календаря показал, что наиболее полно в нем представлена ведущая отрасль производственной деятельности вепсов — земледелие. Автор подчеркивает, что наряду с пашенным, у вепсов еще длительно сохранялось подсечное земледелие (выплоть до конца 20-х гг. XX в.). В главе приводятся сроки подсеки и некоторые вепские обряды, сопровождающие ее основные этапы. При сравнении вепских обрядов на подсеке с карельскими и финскими, подробно описанными в начале XX в. А. Рантасало, выявилось некоторое сход-

ство между ними. К такому же результату привело исследование лексики прибалтийско-финских народов, связанной с обработкой подосеки. Эти обстоятельства позволили нам выдвинуть предположение, что система подсечных обрядов у вепсов в прошлом была такой же разработанной, как у финнов и карел, и включала довольно много ритуалов прибалтийско-финских по происхождению. Со временем многие обряды исчезли из памяти населения.

В аграрном календаре земледельческая и скотоводческая обрядности находятся в синхронном взаимодействии. Начало и конец наиболее ответственных работ в земледелии и животноводстве приурочивались примерно к одному и тому же времени: начало сева и выгона скота на пастбища — к Егорьеву (23.IV) — Николину (9.V)¹ дням, а окончание уборки урожая и загон скота на зиму — к покрову (1.X). Год ухода за скотом у вепсов, таким образом, делился на две половины с крайними датами — Егорьев/Николин дни — покров — и соответствовал народному делению на два сезона под названиями *raimnap aig* ("пастушеское время") и *vegaz aig* ("чужое время"). Значительная часть скотоводческих обрядов и праздников была сосредоточена в пастушеском периоде, как наиболее опасном для домашних животных.

Исследование показало, что несмотря на заметную роль рыболовства, охоты и других лесных промыслов, их обрядность в календаре была развита слабо. Рыболовством население зани-

¹ В диссертации все даты даны по старому стилю.

малось практически весь год, а охотой — в осенний и зимний периоды; интенсивность занятий зависела от занятости населения сельскохозяйственными работами, а также от изменений в природе и биологических циклов промысловых рыб и животных. Начало охоты на любого зверя и рыбной ловли, как правило, сопровождалось жертвоприношением, в первом случае, "хозяину" леса, а во втором — "хозяину" воды, чтобы промысел был удачен. От Петрова дня (29.VI) до покрова занимались сбором ягод и грибов. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность сопровождалась обрядом приношения лесных плодов "хозяину" леса: ягоды, грибы оставляли на сне, у придорожного креста или перекрестка дорог.

Новые занятия населения, например, отхожие промыслы, приводили к образованию новых обрядов или переосмыслению старых. Важная роль, которую играли отхожие промыслы у северных вепсов, в частности камнетесные работы, длившиеся с начала великого поста до начала рождественского поста (т.е. полгода), опасности, сопряженные с промыслом, вызывали "к жизни" особые женские гадания о судьбе ушедших мужчин, сложившиеся на основе древнего вепсского гадания на камнях *bo-bitšaine*, до тех пор используемого в основном в скотоводческой магии.

Глава вторая "Зимний период" посвящена обобщению и анализу обычаев, обрядов и праздников вепсов периода зимы (от покрова до масленицы), в котором на основе народной лексики выделяются три этапа: начало зимы (октябрь-декабрь), святки (25.XI-6.I), январско-февральский период. Соответственно этим временным отрезкам в настоящей главе выделены три раз-

дела под названиями: "Начало зимы", "Святки", "Календарные даты января-февраля. Масленица".

В первом разделе автор рассматривает связь народных терминов, обозначающих начало зимы с церковными датами календаря. Большое место уделяется анализу обрядности до и после покровы - переходной даты между осенью и зимой, между концом старого сельскохозяйственного года и началом нового. В разделе дан разбор покровского ритуала загона скота на зиму в хлева у вепсов и сравнение его с традициями прибалтийско-финских и русского народов. Основные выводы сводятся к следующему. Ритуал загона скота у вепсских групп, имея общую схему проведения, обнаружил значительную локальную вариативность на уровне наличия или отсутствия в ритуале трех обрядовых действий: обсыпания зерном хлева, жертвоприношения духам хлева и закармливания скота сжатым снопом (последнее было заимствовано вепсами от соседнего русского населения). У южных вепсов все три действия ритуала строго соблюдались. У северных вепсов ритуал состоял из двух частей: жертвоприношения духам хлева и первого зимнего кормления скота хлебом. Кормление скота сжатым снопом здесь происходило редко, чаще его использовали в других ситуациях: в случае пропажи скота относили в лес на перекресток дорог "хозяину" леса или в первый день сева отвозили на полосу. У средних шимозерских и куйско-пондальских вепсов в ритуал обычно входили обсыпание зерном хлева и жертвоприношение "хозяевам" хлева. Средние олонецкие и шугозерские вепсы скот на покров закармливали хлебом; об остальных действиях ритуала здесь существуют единичные сведения. У финнов и эстон-

цев существовал иной тип обряда, в котором значительное место занимали жертвоприношения животными, приготовление ритуальной пищи и трапеза, совершаемые в хлебах.

В результате исследования выяснилось, что для периода начала зимы была характерна "послепокровская" трудовая обрядность, т.е. наличие обрядов, не имеющих точных календарных дат, но сопровождающих начинавшийся сразу после покрова цикл новых аграрных работ — молотьбу, обработку льна, забой скота, вывозку навоза на поля. Будни чередовались с престольными праздниками, которые были свободны от совершения хозяйственных обрядов и сопровождались посещениями церкви, гостевой, гуляньями с песнями.

Во втором разделе подробно рассматриваются такие компоненты святочной обрядности как обычаи и обряды новогоднего стола, первого посетителя, жертвоприношения духам-покровителям, колядование и христославление, ряжение и гадания, которые вместе составляли органично сплавленный и наиболее развитый празднично-обрядовый цикл в календаре вепсов. Большое внимание уделяется исследованию праздничной и обрядовой терминологии. Внутри вепских этнолокальных групп была обнаружена обрядовая вариативность, наличие или отсутствие того или иного обряда.

Третий раздел посвящен рассмотрению обычаев и обрядов межговенья и масленицы. Отмечается, что межговенье и масленица вместе составляли единый свадебный цикл в календаре вепсов. Исследование показало, что наряду с общими элементами — катанием с гор и на лошадях. — этот праздник имел различия в вепских этнолокальных группах. Если у южных вепсов на масленицу

происходило приготовление шива, к празднику был приурочен
обычай *ažada vavūhe* (букв. "ездить за зытнями"), катание на
лошадях имело аграрно-магический смысл ("чтобы лен был длин-
нее"), то у северных вепсов в масленичное празднество включа-
лись такие социальные акты как общественные смотрины молодо-
женов; в отдельных средневепоских деревнях к масленице был
приурочен обычай поминовения усопших. Различия наблюдались
также во времени празднования: у южных вепсов масленицу отме-
чали 1-3 дня; у средних - 3-5 дней, реже неделю; у северных -
неделю (что и соответствовало у них названию масленицы - *maid-
pedaī* - "молочная неделя"). Указанные и другие различия в
совокупности создали особенности праздничного комплекса в
каждой этнолокальной группе. В целом, масленичный комплекс
у вепсов имел большое сходство с севернорусским.

В третьей главе "Весенний период" представлены весенние
обычаи, обряды и праздники (от начала великого поста до тро-
ицы). Весенний период вепсского календаря в сезонном и хозяй-
ственном отношении, укрепленном православным календарем, дели-
лся на два этапа: *vuŋ riha* ("великий пост") и *kevažar* ("ве-
сенний мясоед"); им посвящены соответствующие разделы тре-
тьей главы. Как установлено, главным содержанием первого эта-
па являлись "призывы" весны и подготовка к предстоящим сель-
скохозяйственным работам. Поэтому значительное внимание уде-
лялось приметам о погоде, от которых во многом зависели сро-
ки начала трудовых процессов, и религиозно-магические подго-
товительные обряды, сконцентрированные во второй половине по-
ста - на средокрестье, в вербном воскресенье, великом четвер-
ге. Второй этап - *kevažar* (от пасхи до троицы) - характеризо-

вался началом активной хозяйственной деятельности, сопровождавшейся обрядами, главнейшими из которых были первый выгон скота на пастбища и начало пахоты и сева.

Во втором разделе главы дан анализ вепского ритуала "первого выгона" скота на пастбища, сравнение его с таковой же традицией соседних народов. В результате исследования были выявлены трехчастная структура ритуала, его наполнение и последовательность обрядов. Анализ позволил выделить бытование трех ареальных видов вепского ритуала, бытовавших у этнокультурных групп. Первый вид ритуала зафиксирован у северных и средних шимозерских и куйско-пондальских вепсов. Сравнение с севернорусским ритуалом показало, что данный вид был скорее всего заимствован вепсами от русского населения; его структура была трехчастной: 1. тоекратный обход скота в хлеву хозяйкой с магическими атрибутами (топором, решетом, иконой, хлебным изделием и т.п.); 2. обрядовый прогон скота по деревне к месту сбора стада и передача его пастуху; 3. обход пастухом собранного стада. У финнов и эстонцев существовал иной вид ритуала. Во-первых, в нем отсутствовала жесткая трехчастная структура и не было четкого разграничения на два обходных обряда скота (домашний и пастушеский): обход мог совершаться только один раз, а исполнителями его могли быть хозяин и хозяйка, колдун, пастух, батрак. Место совершения обхода также варьировало: хлев, двор, усадьба, лесное пастбище. Во-вторых, в финском и эстонском ритуалах значительное место занимали трапезы, жертвоприношения и моления духам-покровителям в хлеве, у родовых деревьев, часовен. У юди, эстонцев-сету, карел существовала та-

кая же трехчастная структура ритуала, как у русских и названных групп вепсов, но с сохранением различных элементов прибалтийско-финского происхождения. Второй вид ритуала, также с трехчастной структурой, был зафиксирован у средних оятских и жугозерских вепсов. Главное отличие его от первого вида состояло в домашнем обходе не только скота, а избы в целом; в последнем случае изменялся состав исполнителей и расширялись их функции. Апотропеический обход избы был известен также русским, но совершался он, как правило, не только в Егорьев день, но и в великий четверг, и не был непосредственно связан с выгоном скота. Возможно у вепсов обход избы также первоначально был самостоятельным обрядом, а позднее влился в ритуал первого выгона скота. Третий вид ритуала был распространен у южных вепсов. При трехчастной структуре обряда, в которую входили домашние обходы избы и двора, он сохранил элементы, характерные для прибалтийско-финских традиций: жертвоприношения у родовых деревьев, употребление камешков в качестве магических атрибутов. Таким образом, южновепсский вид ритуала в целом представлял собой результат вепско-русской обрядовой контаминации.

Рассмотренный в третьей главе комплекс обычаев и обрядов, связанных с севом, у северных, средних и южных вепсов обнаружил большое единство, различия по этнолокальным группам незначительны. По сравнению с обрядами, связанными с обработкой подсеки, вепские посевные обряды оказались поразительно близки русским и отличались от финских и эстонских.

Циклическая взаимосвязь обычаев, обрядов и праздников периода лета и осени (от троицы до покрова) обусловила их

объединение в четвертой главе "Летне-осенний период". Разграничителем лета и осени, по народным представлениям вепсов, как и русских, являлся Ильин: день (20.VI).

В первом разделе главы – "Летний период" рассматриваются также летние праздники у вепсов, как троица и Иванов день (24.VI), архаическая основа которых восходит к культу растительности, достигающей в это время наивысшего расцвета. Как свидетельствуют проанализированные данные, комплекс троицкой обрядности у вепсов в общих чертах был таким же, как у северных великорусов (т.е. отличался от обрядности центрального, поволжского, сибирского и южнорусского ареалов). Ивановская обрядность вепсов представляла собой локальные комплексы, имеющие большое сходство с обрядностью Иванова дня русских северных губерний России. Главным общим признаком вепской и севернорусской ивановской обрядности, отличающим их от традиции прибалтийско-финских народов, являлось отсутствие ритуальных костров. Лишь отдельные ритуальные действия носили специфический характер: например, гадание на муравейнике, обряды любовной магии "с затворами" и изгородью.

Созревание урожая стимулировалось аграрно-производящими и апотропическими обрядами, описание и анализ которых также является содержанием первого раздела.

Летне-осенний период включал и значительное количество заветных праздников, большая часть которых была связана с охраной скота и выделялась особыми названиями – žīvatan praznikad ("праздники скота"), lehmaa praznikad ("коровьи праздники"), nebon praznikad ("лошадиные праздники"). Ио-

следованию некоторых из этих праздников — еласапрай (букв. "день хозяйки"), малая и большая коршунгская, Петров день, эйграпарай (букв. "сырное воскресенье") — посвящен второй раздел четвертой главы. Анализ показал, что наряду с церковными ритуалами (крестными ходами, "поднятиями" икон, молебнами), эти праздники включали многие элементы древнего происхождения, которые сохранились в праздничной терминологии, в предметной, половозрастной, акциональной символике обрядов, во времени и местах проведения празднеств, которые по-разному сочетались в венских группах.

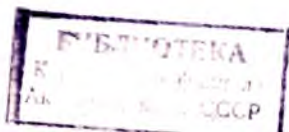
В третьем разделе "Осенний период" главное внимание уделяется венским обрядам и праздникам жатвы. В результате исследования выяснилось, что на территории проживания венсов существовали локальные обрядовые комплексы уборки зерновых, образовавшиеся в процессе сплава элементов прибалтийско-финского, собственно венского и русского происхождения. У северных венсов комплекс жатвенных обрядов обнаружил терминологическую и акциональную близость с Янокарельской, а не со средне- и южновенской урожайной обрядностью. В то же время, в северновенский комплекс входили обряды прибалтийско-финского (обряды с ковригой хлеба) и русского происхождения (кавание по земле). У южных венсов, в отличие от других групп, сохранились очень архаичные обряды, верования и терминологии, связанные с урожайной обрядностью, одни из них — прибалтийско-финского, а другие — видимо, собственно венского происхождения: предташления и вредоносные обряды, связанные с духом зерна "нажаро-кажаро". В южновенский комплекс входят ряд элементов, который встречается и у средних венсов (на-

пример, обряды с последним снопом). В связи с этим, особый интерес представляет жатвенная обрядность у шугозерских вепсов, сочетающая в себе лексические и этнографические признаки, характерные как для средних оятских (праздник *loriprigad* = букв. "конечные пироги"), так и для южных вепсов (название последнего снопа *lorimamä* = букв. "конечная баба"). Жатвенная обрядность куйско-пондальских вепсов представляла собой контаминацию собственно вепских и русских элементов (названия последнего снопа - *loriväk* (вепс. *lor* - "конец"), *rožinkad* (русс. "пожинки"); ритуальные олады по случаю окончания жатвы - *pirgad* ("пироги" вепс.), *kolotih* (русс. "колоти́ха"). Как выяснилось, названия "пожинки" и "колоти́ха" были распространены среди русского населения Череповецкого у. быв. Новгородской губ.

В Заключении подводятся итоги исследования, обобщаются выводы, частично сформулированные в главах работы, отмечаются проблемы, требующие дальнейшего изучения.

Исследование показало, что вепсский народный календарь соответствовал хозяйственно-культурному типу (ХКТ) пашенных земледельцев лесной полосы. Это означает, что, в первую очередь, все сферы жизни вепского крестьянства - производственную, общественную, семейную, - регламентировала аграрная деятельность: земледелие и животноводство. По-видимому, лесное земледелие давно стало основой хозяйственной системы вепсов, если судить по стертым или маловыразительным следам календарной приуроченности таких занятий, как рыболовство, охота и другие лесные промыслы.

Структура народного календаря, помимо его христианско-

илианской основы, а также большая часть относящихся к нему обычаев, обрядов и праздников, как правило, исполнявшихся в одни и те же календарные сроки, были едины у всех этнокультурных групп вепсов и сохраняли элементы более архаической системы временного деления. Вместе с тем, некоторым общим обрядам вепского календаря были свойственны локальные варианты, представляющие собой архаические ритуалы или же новации, возникшие в результате эволюции обрядов, адаптации их к изменяющимся ситуациям. Все это породило разнообразие празднично-обрядовые комплексы.

Сравнительный анализ лексических и этнографических данных календарей вепского, прибалтийско-финских и русского народов позволил выделить в нем несколько стадийальных пластов. Самым ранним, слабо сохранившимся, являлся общеприбалтийско-финский пласт, к которому можно отнести архаический счет и деление времени на табуированные и предпочтительные отрезки, в том числе связанные с лунным календарем, а также: осенний обряд рижения *anda lihäd* (букв. "подай мыса"), совершаемый во время забоя скота; выпекание большого семейного рождественского хлеба; жертвоприношения у родовых деревьев в Йогельев день; использование ели в обрядах святочного рижения и весеннего обхода скота; влияние весеннего кукования кукушки на ритуальную чистоту выгонщика и селителя; обливание водой члена семьи, впервые выполнившего "летнюю" работу (сев, установку изгородей (осеков) в лесу, копанье огорода и т.д.); некоторые обряды подсечного земледелия (вызывание ветра, обливание водой или обмывание сажей рубрика подсеки); название праздника *emaapäi* (букв. "день хозяйки") и божества *vänd*;

послежатвенный обряд "одевания серпа" на хозяйку. Наличие общеприбалтийско-финского пласта в вепском календаре является веским аргументом в пользу гипотезы прибалтийско-финского происхождения вепсов. Кроме того, выявление ряда общеприбалтийско-финских обрядов аграрного содержания подтверждает выводы лингвистов о существовании у вепсов земледелия еще до выделения их в особое этническое объединение.

В календаре вепсов нами был выявлен также пласт, языковые и предметные стороны которого обнаружили большое сходство с календарной обрядностью южных групп карел: календарная лексика и праздничная терминология; обычай гостыбы девушек-родственников *a div* (в значении "девушка", "невеста"); девичьи обряды "поднятия слаутности", название ряженных *kuplakod* ("кухляки"); использование обережного камня *šuurkivi* (букв. "дресвяный камень"); употребление камней при домашнем обходе скота; некоторые жатвенные обряды и праздники *sirppipirg* (букв. "пирог серпа"). Эти явления пополняют наши сведения о вепско-карельских связях в еще одной культурной сфере - народном календаре. Наибольшее число сходных календарно-обрядовых элементов было обнаружено между южными карелами и северными вепсами, что объясняется, по-видимому, как этногенетической общностью, так и последующими тесными этнокультурными контактами двух этносов, проживающих в непосредственной близости.

Более поздним является русский пласт, который, судя по лингвистическим и этнографическим данным, оказался преобладающим в вепском календаре конца XIX-начала XX в. Вепсы, христианизировавшиеся одновременно с русскими, либо воспринимали

в русском звучании названия православных праздников (и иных календарных дат), либо переводили их на свой язык (с тем же значением).

Благодаря христианскому календарю, в вепском оказались обряды и обычаи русского (славянского) архаического фонда. В вепский календарь вошли также многие русские приметы, поверья и присловья, заклинания, песни, которые вепское население творчески переводило на свой язык, или, являясь двуязычным этносом, нередко предпочитало употреблять на русском языке, как правило, значительно искажая.

В процессе анализа нами был выявлен обширный круг типологических явлений, характерный для целого ряда народов лесной зоны Европейского Севера, возникший под воздействием одних и тех же географических, социально-экономических и культурно-бытовых факторов: "пивные братчины", общинные праздники с "закланием" животных, летние гадания на вениках, представления о поведении кукушки в период колошения ячменя (кукушка "давится колосом", т.е. перестает куковать), поверья о змеях и т.д. В вепской календарной обрядности в ряде случаев отразился такой процесс взаимодействия финноязычной и русской культур как контаминация, которая проявилась, например, в терминологии (названия ряженых у вепсов), ритуалах (мжновепский обряд первого выгона скота), вербальных компонентах (тексты колид у куйско-пондальских вепсов).

Диссертационное исследование позволило выделить пласт собственно вепских календарных явлений: названия и реалии периодов вепского календаря *raimenan ai*: (букв. "пастушеское время"), *vegaz ai*: (букв. "чужое время"), *kezakeskust*

(букв. "летний промежуток"), liibkesk (букв. "межхлебье"); гадание bobitššine (букв. "гадание на камешках"); скотоводческие и рыболовные обряды великого четверга у средних шимозерских и южных венсов; праздник окончания жатвы lopšpirgad (букв. "конечные пироги"); представления о духе кухаро-кахаро. Большая часть названных явлений имела локальный характер, т.е. бытовала не во всей венской среде, а только в отдельных ее группах. Для всех же венских групп нами была отмечена и такая особенность как неразвитость жанров музыкального календарного фольклора, как известно, впервые выявленная В.А. Лалиным.

Календарная обрядность венсов имела этнолокальные отличия, которые формировались как за счет разной степени (условий) сохраненности общих этнических традиций и их локального варьирования, так и конкретных особенностей этнокультурной ситуации.

Календарные обряды северных венсов характеризовались большим, чем в остальных группах, редуцированием аграрно-магических элементов и значительным развитием элементов социального и брачного характера: приписывание первому святочному посетителю "социальных" примет (а не аграрно-магических); заговенье и масленица — как праздничный цикл "смотрины молодоженов"; женское гадание bobitššine; использование lopšpirgad (букв. "крестные хлебцы") и пасхальных яиц, главным образом, в "семейных" целях, появление брачных мотивов в обряде жертвоприношения ячневой каши морозу. "Социализация" обрядового поведения была связана с социально-экономической активностью жизни северных венсов, обусловленной

близостью к почтовому тракту Петрозаводск-Петербург; давним уходом значительной части мужского населения на промыслы, в том числе и в города и т.п. Последний фактор выразился также в переходе некоторых исконно мужских аграрных функций в женские. Календарная обрядность северных вепсов, по сравнению с другими группами, оказалась под большим воздействием православного календаря.

Для южных вепсов, наоборот, было характерно сохранение большого количества архаических верований, обрядов и праздников, главным образом, аграрно-магического и скотоводческого содержания, многие из которых были общеприбалтийско-финского и собственно вепского происхождения: аграрно-магическое значение половозрастных (а не социальных) признаков первого свиточного посетителя, обряды, связанные с духом зерна и хозяевами риги и т.д. Даже заимствованные от русских архаические ритуалы, например, закармливание скота последним снопом, гадание с зернами "на сон", катание на масленицу на "длинный лен", сохранялись у южных вепсов значительно дольше, чем в других группах. К факторам, способствовавшим консервации южно-вепской архаики, следует отнести длительную изоляцию южно-вепской территории от городских центров непроходимыми лесными массивами и болотами, наличие более благоприятных условий для развития сельского хозяйства (по сравнению с северными вепсами).

Календарная обрядность средних вепсов отличалась локальным разнообразием. Средние оятские и шугозерские вепсы по ряду обрядов и терминологии сближались с южными вепсами и отличались от северных (названия ряженых - kulikad ("кулики"),

егорьевский обход избы и т.д.). Календарная обрядность шимозерских вепсов, наоборот, в ряде случаев сближалась с северными вепсами и отличалась от среднеоятско-южных (название ряженных — *čudilka* ("чудилки"), первый выгон скота на пастбища и т.д.). Несколько обособленное положение от остальных вепсов занимала куйско-пондальская подгруппа, в календаре которой были зафиксированы обряды и обычаи, заимствованные как от русских Череповецкого у. быв. Новгородской губ., так и из Вологодской губ. Подобные заимствования наблюдались в языке и других сферах традиционно-бытовой культуры этой подгруппы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Обряд колядования у вепсов (некоторые итоги изучения). — В сб.: Годичная научная сессия Института этнографии. Л.: Наука, 1985, с. 41-42.

2. Ряжение в традиционном и современном быту вепсов. — В сб.: Актуальные вопросы общественных наук: Тезисы докладов респ. науч.-практич. конф. молодых ученых и специалистов (апрель 1985 г.). — Петрозаводск, 1985, с. 79-80.

3. К истории вепского народного календаря. — В сб.: Актуальные проблемы развития общественных наук на современном этапе: Тезисы докладов научно-практической конференции молодых ученых (29 марта 1986 г.). Петрозаводск, 1986, с. 65-67.

4. Некоторые итоги изучения вепского народного календаря. — В сб.: Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986, с. 49-65.

5. О региональной типологии первого выгона скота у веп-

сов. - В сб.: Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984-1985 годов. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1986, с. II7-II8.

6. Вепские праздники уборки зерновых (этногенетический аспект). - В сб.: XУП всесоюзная финно-угорская конференция. Археология, антропология и генетика, этнография, фольклористика, литературоведение. Тезисы докладов. II, Устинов, 1987, с. I48-I50.

Вин